

КОНФЕРЕНЦИЯ: «МИР 2002: ВЫЗОВЫ И НАДЕЖДЫ».
Июнь 2002г., Юрмала, Латвия.

Третьяков Виктор (Россия) – генеральный директор ЗАО «Независимая издательская группа», профессор МГИМО МИД РФ

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ МОСКВЫ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Москва, безусловно, является (не знаю как Юрмала, я здесь первый раз) мощным интеллектуальным центром. И, когда говорят, что наша элита ни на что не способна интеллектуально, я с этим не согласен, потому что нет ни одной более или менее оригинальной идеи, которая бы не высказывалась именно жителями этого замечательного города. Дело в том, что изменить менталитет, видимо, не удастся. Нельзя в значительной степени изменить менталитет нации, человека, политика, элиты. Его можно модернизировать, он может приспосабливаться, иногда даже вынужденно приспосабливаться к современному миру, но изменить его нельзя. Более того, предложение перестать быть солдатом империи – оно очень привлекательно для всех нас, представителей, безусловно, имперской до сих пор нации. Но если мы окончательно от этой привычки избавимся, я боюсь, что нам не удастся выпрыгнуть из империализма, потому что мы сразу же будем зачислены в солдаты, без нашего даже желания, другой империи ныне существующей. Просто флаг поменяем, штандарт, не более того.

Мир в целом – то развивается довольно классически. Я согласен, что сейчас классическая дипломатия перемежается с новой, так называемой глобалистской, дипломатией. И в этом собственно проблема для российской внешней политики, для внешней политики любой страны, потому что одновременно мы играем по старым правилам, обсуждаем старые конфликты, которые вынуждены решать старыми методами, вплоть до обмена территорией, уяснения границ. Все эти рассуждения о том, что трансграничные колоссальные переходы денег – это одна из основных черт современного процесса глобализации. С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, но с другой – поясните мне тогда, почему за каждый клочок земли в этом глобализованном мире, где границы ничего не стоят, спорят не только армии, но и интеллектуалы? Почему великий Китай не гнушается взять у крохотной Киргизии какие-то там 30 тыс. кв. м земли? Зачем это, с точки зрения глобализма, если он уже наступил? Боюсь, что глобализм – это не более чем действительно во многом реально технологически модернизированная классическая политика, в том числе внешняя, хотя мы принимаем его за что-то другое.

В чем я совершенно уверен, это в том, что, Россия сделала гораздо больше шагов навстречу Европе, в которой она всегда находилась, чем Западная Европа навстречу России. Европе сейчас решать вопрос, а не России, хочет ли она восстановить свою интеллектуальную и стратегическую глобальную мощь, что она может сделать только одним путем: включив в себя де-юре Россию? Если Европа этого делать не хочет, то такой мощи, как когда-то у нее была, она больше никогда, не получит. Более того, я считаю, что последние века Европа господствовала над миром, в том числе в XX в. это происходило за счет разделения ее на две части: восточная часть господствовала над коммунистической половиной мира, т.е. Советский Союз, западная – над западной (рыночной) частью мира. И как только система рухнула, то рухнуло и господство Европы, а Соединенные Штаты, родившиеся из этой самой Европы, стали самостоятельным игроком.

Таким образом, европейский аспект политики России для меня совершенно очевиден. Здесь, по-моему, Путин абсолютно правильно действует, когда все более откровенно говорит европейцам о том, что, либо они честно и искренне ведут себя с нами, в том числе по вопросу о Калининградской области (который будет крайне показателен для поддержки европейской линии политики российского президента), либо это всего лишь очередные, в стиле классической дипломатии, маневры, а речь просто идет о том,

чтобы Калининградская область досталась тому, кому она исторически всегда и принадлежала. Но тогда об этом нужно говорить прямо и откровенно. Стратегия может быть у очень больших и сильных государств, у всех остальных стратегия может быть одна – выживание. Современный мир это отчетливо показывает. У России, которая была очень большой и очень мощной, есть только два пути: либо восстановить в каких-то пределах свое могущество, либо перестать существовать. Следовательно, для России стратегия – это восстановление своего могущества, а все остальное просто стратегия выживания, на основе которой работают абсолютное большинство стран сегодняшнего мира.

Американская линия внешней политики Путина, на мой взгляд, тоже достаточно очевидна. Он, как и все мы, вынужден признать, что это единственный главный игрок на сегодняшний день. И дело даже не в том, что нет возможности оспаривать его власть, можно было бы оспаривать, можно было бы даже подталкивать США к падению. Вопрос в том, кто займет эту высоту после США? Какие претенденты, какие у них отношения с Россией? Ясно, что это не может быть сама Россия. Думаю, что линия на партнерство с США – это во многом вынужденная зашифрованная линия Путина, который, конечно же, имеет в виду нечто более благопристойное для России, чем просто роль младшего партнера.

Следующее, о чем я хочу сказать, это европейское направление. Здесь, судя по всему, будет много успехов, потому что, несмотря на всю неискренность европейцев, особенно после событий 11 сентября, гигантизм США, видимо, заставляет их автоматически смотреть на Россию. Куда им еще смотреть с их гуманизмом, правами человека, открытостью общества. Они все это получили у себя на континенте и теперь не вполне понимают, что с этим делать, потому что вынуждены поддерживать своего главного партнера и защитника – Соединенные Штаты, которые одновременно вроде бы являются их врагом.

Восточное стратегическое направление России не очень отчетливо просматривается. Можно говорить, что поле открыто для разного рода вариантов. Много альтернатив, которые будут зависеть от искренности того, что будет происходить как раз на евроатлантическом плацдарме российской внешней политики.

И в заключение я хотел бы сказать еще о двух пунктах касательно стратегии и тактики кремлевской политики, которая затрагивает и всех остальных. Сегодня здесь говорилось, что в скором времени у нас будет 500 государств. Но поскольку Земной шар, как известно хоть и круглый, но конечный, то 500 государств из 200 могут образоваться только путем деления и никаким другим. В этом смысле нас ждут все прелести связанные с этим делением. Роль маленьких государств, к которым относится и та замечательная страна, где мы сейчас находимся, тоже проблематична. Совершенно очевидно, что они будут главными страдальцами, в смысле потери суверенитета в этом новом мировом раскладе сил. Главное, что им оставят – это суверенность над своим образом жизни, но даже уже до языка вряд ли дело дойдет.

Я, безусловно, поддерживаю борьбу русских в Латвии за сохранение своего языка, но, боюсь, что лет через 50, этот спор станет бессмысленным, поскольку при данном варианте событий здесь будут говорить и не на русском, и не на латышском языках. Конечно, я не имею в виду китайский в данном случае. Проблема этих маленьких стран, которые сейчас нарождаются, – это очень большая интересная проблема. И, мне кажется, что маленьким европейским странам не удастся долго усидеть, при этих тектонических глобальных политических сдвигах, в тени сверхдержав, то конфликтующих, то мирящихся друг с другом, в спокойствии и комфорте, к которому они в общем-то привыкли. Маленьким странам об этом нужно больше думать, а нам как империалистам нужно думать о большом.

Если говорить о большом, то внешняя политика Путина зависит, безусловно, от искренности Запада в том виртуальном или реальном стремлении к союзничеству с Россией. Проблема искренности западной политики по отношению к России сегодня – это главная проблема внешнеполитического и, кстати, внутривнутриполитического будущего В. Путина, и, я бы сказал, даже главный вызов, для русской внешней политики, для русской дипломатии. Все остальное в конечном итоге есть прагматическое прикладное приложение этого основного.